

НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

УДК 39
ББК 63.5

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЖИЗНЬ: НЕСКОЛЬКО ЗАРИСОВОК¹

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА АРТЕМОВА

(Институт этнологии и антропологии РАН: Российская Федерация, 119991,
г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

***Аннотация.** Статья содержит небольшой фрагмент результатов многолетних исследований автора, направленных на понимание общих типологических черт и локальных или этнокультурных особенностей в устном художественном творчестве охотников и собирателей. В первую очередь автор фокусирует свое внимание на том, как в мифах, сказках и быличках преломляются нравственные представления и отражаются человеческие отношения и эмоции. В статье представлен сравнительный анализ фольклорных произведений бушменов |ксам и австралийских аборигенов этнолингвистической общности вик. Демонстрируются существенные различия между первыми и вторыми в сюжетах, образах и художественных средствах, с помощью которых раскрывается содержание нарративов. Так, анализ оригинальных текстов и их подстрочных переводов на английский язык показывает, что мифы и былички вик представляют собой скорее сценарии для драматических инсценировок, нежели устные рассказы, в то время как мифы и былички бушменов |ксам — это повествования в полном смысле слова, чрезвычайно длинные, изобилующие повторами. В произведениях вик с особым вниманием, можно сказать со вкусом, изображается множество ссор и драк между персонажами в сопровождении весьма реалистических деталей, отражающих бытовавшие у создателей текстов приемы боя в диадных поединках и групповых столкновениях. В текстах |ксам этого почти нет, но есть указания на то, что ссоры и драки достойны осуждения и должны пресекаться. Наибольший накал эмоций в мифах и быличках мункан характерен для персонажей, которые показаны как мужья и жены или любовники, в то время как в текстах |ксам отражаются эмоции, присущие близким кровным родственникам. Имеется и много иных различий. Автор пытается найти истоки этих различий в этнографической реальности.*

***Ключевые слова:** мифы, сказки, фольклор и действительность, охотники и собиратели, аборигены Австралии, бушмены Южной Африки.*

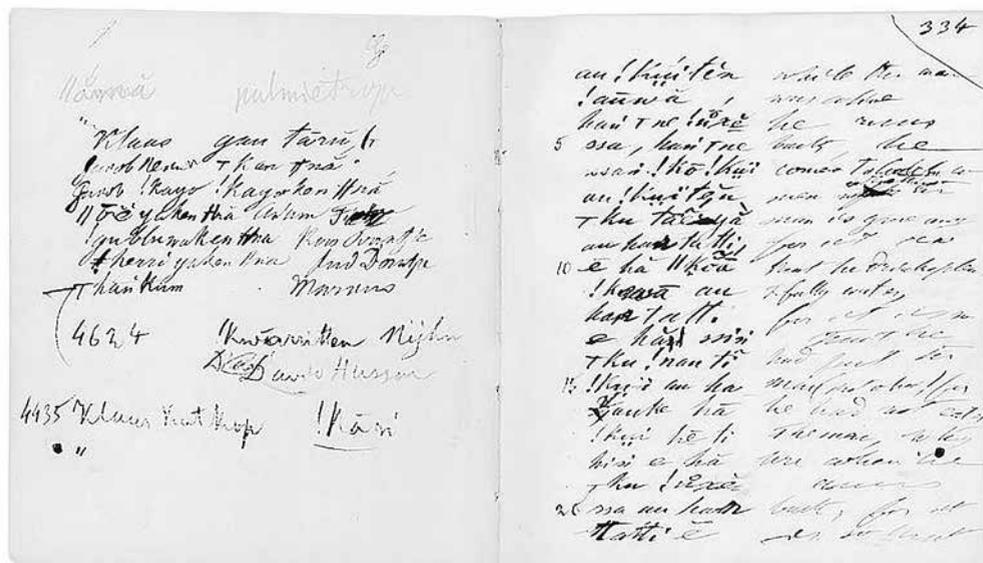
О ЦЕЛИ СТАТЬИ

На протяжении долгих лет автор этих строк занимается сравнительным изучением различных культур охотников и собирателей, существовавших до недавнего времени и хорошо описанных в этнографической литературе. Имеется у автора

и некоторый опыт полевой работы среди потомков австралийских охотников и собирателей, живущих в ряде поселков Кейп-Йорка и Арнемленда.

При одинаковом способе жизнеобеспечения и относительно сходных экологических условиях в культурах охотников

¹ При поддержке гранта РФФИ № 15-01-00450.

Страница из рукописного наследия У. Блейка и Л. Ллойд
Page from the manuscript heritage of W. Blake and L. Lloyd

и собирателей (в доколониальных контекстах) в целом и в их традициях социального взаимодействия в частности обнаруживается множество различий, подчас разительных. Они обстоятельно описаны в литературе, в том числе и в публикациях автора. В предлагаемой статье хочется привлечь внимание к тому, как реальные культурные различия отражаются в устном художественном творчестве охотников и собирателей. Этому до сих пор не уделялось особого внимания в академической печати. В первую очередь автор фокусирует свой интерес на человеческих эмоциях, преломленных в фольклорных произведениях.

ОБ ИСТОЧНИКАХ

Малый объем статьи вынуждает автора ограничиться сравнением лишь между двумя собраниями фольклорных текстов и привести отдельные выборочные примеры. Сравняются фольклорные произведения (мифы, сказки, былички) бушменов [ксам (Капская провинция, Южная Африка) и коренных австралийцев группы вик (п-ов Кейп-Йорк, Северный Квинсленд). Первые изучались по манускриптам У. Блейка и Л. Ллойд [Записи 1870–1881] сначала в микрофильмированном варианте в Лондоне (1994),

затем была возможность ознакомиться с их подлинниками в Кейптауне (2006), а в настоящее время эти тексты доступны в оцифрованной форме в Интернете². Некоторые из них опубликованы, но в сильно редуцированном, упрощенном и сокращенном виде. Между тем именно полный текст, записанный на языке создателей и переведенный на язык собирателя сначала подстрочно, а потом отдельно, но без пропусков и без какой-либо литературной обработки, дает адекватную информацию.

Тексты аборигенов вик, записанные У. Макконнел в конце 20-х гг. прошлого

Традиционный танец аборигенов вик-мункан. Поселок Аурукун. Фото А. А. Закурдаева. 2008
Traditional dance of the aborigines of Vic-munkan. The Village Aurukun. Photo by A. A. Zakurdaev. 2008

века, изучались по ее ранним публикациям в журнале «Oceania», где имелись оригиналы на языке вик-мункана и подстрочные переводы, а также по сборнику 1957 г. (очень бережный и точный перевод текстов вик на английский язык — [McConnel 1957]). Все они впоследствии были переведены на русский язык и опубликованы автором этих строк [Макконнел 1981]. Некоторые из них в 2005–2009 гг. автору довелось услышать в исполнении современных вик.

О РАЗЛИЧИЯХ

Впечатляющие различия между текстами двух названных собраний наблюдаются буквально во всем: в сюжетах, образах, художественных средствах, с помощью которых раскрывается содержание нарративов.

Так, мифы сказки и былички вик похожи скорее на сценарии для драматических инсценировок, нежели на устные рассказы. Читая их, трудно удержаться от сравнения с киносценариями. Сжато и точно, в правильной последовательности рассказчики представляют действия персонажей и окружающую обстановку: они идут, темнеет, они разбивают лагерь, спят. Когда действующие лица многочисленны и события происходят одновременно в разных местах, рассказчик поочередно представляет картинки, подобные киноэпизодам: сначала мы видим разгоряченных преследователей, бегущих по лесной тропе, потом беглецов, скрывающихся в зарослях. Растянутые фрагменты сменяются драматическими развязками. Мотивы поступков и причины событий не объясняются и не обсуждаются. Прямая речь передается в кратких отрывистых предложениях.

Совсем иначе организованы тексты [ксам. Как писал анализирувавший их Р. Хьюитт, это пространные повествования, подчиненные формализованной структуре, ведущая роль в ней принадлежит чрезвычайно длинным и многочисленным диалогам, в которых одни и те же события или сцены вновь и вновь описываются то от лица одного персонажа, то от лица другого, а то и обстоятельно комментируются рассказчиком [Hewitt 1986, 47–48]. Правильнее было бы это

назвать не диалогами, а сериями монологов, напоминающих порой оперные арии и продолжительные речитативы с регулярными рефренами, в которых как раз более всего внимания уделено мотивам поступков персонажей и причинам того, что с ними случается.

Интересно, что отмеченные выше различия находят соответствия в наблюдениях этнографов: бушмены чрезвычайно разговорчивы, а австралийцы немногословны.

Рассказчики [ксам стремятся в деталях воссоздать образы или сцены действий, описать внешний облик персонажа или пейзаж, сформировать у слушателя некую зрительную картину, рассказчики же вик — передать действия, события, причем динамично, но в то же время со множеством бытовых подробностей. Попробуем это проиллюстрировать.

Вот как представлен мифический персонаж человек-дерево в одном из текстов [ксам: «<...> он — дерево, он — человек, он держит гоуру³ у своего рта, он дерево, у него глаза, потому что он человек, у него голова, на голове волосы, потому что он дерево, у него ноги есть, потому что он человек, на ногах ногти, у него есть рот, у него есть нос, у него есть уши, он — человек, он — дерево <...> он играет на гоуре, он дерево, он играет на гоуре, но он — дерево, он — человек, он — дерево, играющее на гоуре, он стоит и смотрит глазами <...>. Он несет стрелы, несет лук, но стал деревом <...>» [Записи 1870–1881, 295–305]. Создание этого образа заняло 10 страниц рукописного текста в тетрадах Блейка и Ллойд.

В мифах австралийцев вик тоже фигурируют люди-растения или люди-животные, но рассказчики не озабочены описанием их внешнего облика, в самом начале рассказа объявляется, что это были, скажем, мужчина-ямс и женщина-раковина, дальше они действуют исключительно как люди и только в конце истории уходят, «погружаются», в аува (тотемический центр, чаще всего это водоем). Но до того: «Он убил копьем валлаби, и они приготовили мясо в земляной печи. Поели. Потом вернулись на стоянку, развели костер, легли спать. На следующее утро взяли копыя и сумку.

³ Гоура — музыкальный лук.

- Теперь идем! Будем искать корни!
- Теперь отдохнем в тени!
- Теперь пойдем за рыбой!

Они бьют копьём рыбу, одну, еще одну, еще и еще <...>» [Макконнел 1981, 52].

И так на протяжении многих дней.

В произведениях вик с особым вниманием, можно сказать со вкусом, изображается множество ссор и драк между персонажами в сопровождении весьма реалистических деталей, отражающих бытовавшие у создателей текстов приемы боя в диадных поединках и групповых столкновениях. В текстах |ксам этого почти нет, но, напротив, есть указания на то, что ссоры и драки достойны осуждения и должны пресекаться. Наибольший накал эмоций в мифах и быличках вик характерен для персонажей, которые показаны как мужья и жены или любовники, в то время как в текстах |ксам отражаются эмоции, присущие близким кровным родственникам.

О ДРАКАХ

Вот драматичный сюжет из собрания У. Макконнел. Две женщины, утки — болотная и свистящая, были женами мужчины-дрофы. Они ушли в лес выкапывать копыя. Им повстречался мужчина-ибис, он сказал: «Идем скорее, сейчас же! Это хороший случай! Бежим!» И болотная утка убежала с ним. А свистящая утка побежала сообщать об этом мужу: «Вон туда они побежали!» — «Мы пойдем за ними! Но нас должно быть много — нужно, чтобы много людей бросало в них копыя! Мы будем искать их всюду! <...>». И вот собираются все: сыновья старших братьев матери, старшие братья, младшие братья, отцы матери⁴, все мужчины из его клана и из клана его матери <...>. Ищут беглецов и находят. Ибис первым вступает в драку, ранит дрофу копьём под ребро, а потом все «начали кидать копыя». Сначала в ибиса, потом в беглую жену, она помчалась с копьём в спине звать на помощь своих братьев (попугаев), которые стали бросать копыя в дрофу <...>. Под конец все участники драмы уходят в аува, каждый — в свой собственный аува, на «своей земле»» [Макконнел 1981, 72–75].

Ни одной подобной коллизии не встретилось автору среди текстов |ксам. Драки

и ссоры в них нечасты, и самое примечательное, что описание драк порой сопровождается последующей рефлексией действующих лиц или рассуждениями рассказчика о том, как могло случиться, что персонажи подрались. Так, в одной из версий знаменитого мифа о драке Кота с |Каггеном (богомолем) последний говорит о себе: «Я был дураком, мое сердце нехорошее, недоброе, мое сердце горело как в огне» [Записки 1870–1881, 975–976]. А рассказчик комментирует так: «<...> они поссорились друг с другом, когда рядом не было других людей <...> другие люди бы их удержали <...> Эти двое били друг друга, потому что они были только вдвоем <...> а был бы там кто-то еще, он бы им помешал <...> Они дрались, потому что их было только двое, потому что они чувствовали себя очень сердитыми. Они потому дрались, что были только вдвоем, потому что не было с ними больше никого <...>» [Там же, 964–966].

Представляется, что два последних примера больше и лучше говорят читателю о различиях в социальном климате, характеризовавшем традиционную жизнь |ксам и вик, чем это смог бы сделать автор, пытаясь облечь живое восприятие в форму академического обобщения.

О ЧУВСТВАХ, ЛЮБОВНЫХ И РОДСТВЕННЫХ

В текстах |ксам почти нет любовных переживаний и любовных драм. Рассказы вик красочно представляют и то и другое. Многие из них рисуют счастливую и благополучную жизнь двух супругов, между которыми царит согласие. Мужчина и женщина вдвоем на протяжении многих дней бродят в лесу, занятые добычей пищи. Иногда они изображаются как одно целое (например, муж и жена-орехи): «Они убивают копьём валлаби <...> они подходят к лагуне. Они плывут и собирают корни кувшинок <...> Они выходят и садятся на берегу. Они замерзли» [Макконнел 1981, 82]. Они видят на дереве соты с медом. Он лезет на дерево, чтобы «достать мед для нее». Женщина кричит: «Муж, будь осторожен, сук сломается!» — «Нет, жена, он не сломается, он крепкий!»» [Там же, 86]. В конце одной из таких историй женщина засыпает и не

⁴ Классифицирующие термины родства.

может проснуться — она «уходит вниз», в аува. Мужчина следует за ней: «Жена ушла! Я не могу оставаться здесь один! Я пойду вниз с вместе с ней!» [Там же, 90].

Самые проникновенные истории посвящены тому, как у молодой пары рождается первый ребенок. В одной из них муж и жена долго бродят вдвоем. Мужчина говорит: «У нас двоих нет ребенка! Нет ни одного! <...>» Когда жена, наконец, сообщает ему, что у них будет ребенок, он говорит: «Теперь мы не будем одинокими!» Когда приближается время родиться ребенку, мужчина берет на себя все обычные обязанности жены. Во время родов он уходит подальше от стоянки. После родов родители должны соблюдать ряд ограничений, в том числе им нельзя говорить друг с другом. Но здесь они позволяют себе маленькую хитрость. Мужчина возвращается на стоянку, где лежат его жена и новорожденный.

«— Я хотел бы знать, что это такое? — говорит он сам себе громко.

— Наш ребенок родился, — выкрикивает женщина, ни к кому не обращаясь из-за табу.

— Я беспокоюсь, не девочка ли ребенок!

— Ребенок не девочка!

— Ребенок — мальчик?

— Ребенок — мальчик!»

Через несколько дней она несет ребенка к его отцу: «<...> Поднимая ребенка, она несет его на руках <...> Отец сидит с перекрещенными ногами на своей стоянке, протягивает руки, чтобы взять ребенка. Она кладет ребенка ему на руки. Вместе они держат его так: он сидя, а она — стоя на коленях перед ним. Глядят друг на друга. Потом отец берет ребенка и кладет себе на колени. Смотрит на него. Он берет пот из подмышек и мажет им ребенка. Мажет его лоб и щеки.

— Это мой сын. <...> Я буду заботиться о нем всегда! — Он играет с ребенком. — Этот наш ребенок — прекрасный. Ты — прекрасная женщина!» [Там же, 132–139].

В мифах и иных фольклорных рассказах вик находят отражение свойственные их культуре способы внешнего проявления любви, нежности, теплоты, а также приемы ухаживаний и любовной магии.

Вот одна из быличек, подобная русским деревенским рассказам о встречах с русалками или лешими. Мужчина — не

тотемический герой времен творения, а простой человек — проходя мимо таинственной лагуны, увидел девушек-духов, играющих в воде. Одна из них ему очень понравилась. Он схватил ее. «Она была очень испугана и боролась, но затем пошла с ним. Он взял пот из своих подмышек и намазал им ее щеки, ее спину, намазал все ее тело. Затем он взял палочки для разведения огня и развел костер. Набрал сухих листьев и зажег их, согревая ее глаза, щеки, руки горящими листьями. Надрезав себе руку каменным ножом, он взял свою кровь и намазал ее лицо, ее волосы, ее глаза и уши. Он поднял ее на руки, говоря: “Теперь ты моя женщина.” Она ответила: “Я — твоя женщина, возьми меня на свою землю.”» [Там же, 147–148].

В мифе «Кукян, иглистый муравьед» Кекуян следил за Тинтаувой, женой мужчины-ковровой змеи. «Муравьед смотрел на Тинтауву нежно, глазами влюбленного. Тинтаува послала ему любовный красный шнурок в знак взаимности. “Теперь бежим”, — сказал Кекуян. “Хорошо”, — ответила она» [Там же, 96]. И они убегают, зная наверняка, что расплаты не миновать.

Скрываясь в лесу, такие беглецы все время боятся преследования, и все же им хорошо вместе: «Мужчина убивает эму. Женщина выкрикивает: “Ну теперь! Подбирай копыта и неси его!” — и, подходя, она говорит гордо: “Он убил копытом эму для нас обоих. Это сделал мой муж!” <...> Наутро он сидит и чинит копыеталку. Женщина лежит рядом, ее голова на ноге мужчины» [Там же, 144].

ДРАМА НА ОХОТЕ

Возможно, бушмены, известные миролюбием и выработавшие эффективные социальные механизмы избегания конфликтов и сглаживания ссор, в своем повседневном взаимодействии как бы приглушали, затушевывали любовную сферу жизни, столь тесно сопряженную с потенциальным столкновением противоположных интересов, бурными выплесками эмоций и порой трагическими коллизиями. Делали это они, скорее всего, вполне осознанно, отсюда и некоторый недостаток внимания к любовной тематике в их устном творчестве. Но жизнь и без того полна драматизма.

Как видно из приведенных выше примеров, рассказчики традиционных мифов или сказок сплошь и рядом спонтанно вплетали в устоявшиеся сюжеты, эпизоды и картины, навеянные личным опытом или хорошо известными событиями и обстоятельствами из жизни окружающих. Встречаются в изученных собраниях и отдельные тексты, являющие собой чистую импровизацию. Настоящий шедевр устного художественного творчества создал один из главных информантов Блейка — бушмен |ксам по имени ||Каббо, — очевидно еще несколькими минутами ранее не подозревавший, что он расскажет все это. Однако его спонтанный рассказ во многом повторяет структуру мифов и сказок |ксам, представляя собой цепь длинных монологов, многие из которых изобилуют повторами и которые в общей сложности растянулись в записях Блейка со страницы 1173 по страницу 1396.

По-видимому, Л. Ллойд однажды задала ||Каббо классический вопрос этнографа: «Что бывает с бушменом после смерти?» Как бы нехотя, монотонно он начал говорить о том, что после смерти «все идут в одно и то же место». Что это за место — осталось без пояснений. Видимо, это не интересовало рассказчика. Зато он долго перечислял всевозможные причины, по которым человек может умереть: старый человек может умереть от голода, молодой человек может умереть от голода, старая женщина может умереть от голода, могут враги убить стрелой — молодого, старого, женщину, могут в ярости заколоть ножом — молодого, старого, женщину и т.д. Кажется, что ему самому очень скучно было говорить об этом. Но в какой-то момент он вспомнил трагический случай, который произошел на охоте и которому он, наверно, сам был свидетелем. И тут он стал говорить эмоционально, выразительно, с энтузиазмом.

Вкратце дело было так. Несколько мужчин совместно охотились на антилопу, и один из них по несчастному стечению обстоятельств был смертельно ранен отравленной стрелой, пущенной его товарищем. Преследуемые охотниками животные и сами охотники на бегу подняли клубы пыли. Никто не мог ничего разглядеть. Фатальная ошибка обнаружилась, когда пыль улеглась. Все, и в особенности тот,

кто пустил стрелу, сначала были в ужасе, потом стали отчаянно горевать, потом обсуждать случившееся.

Каждый из них снова и снова, по очереди, рассказывает, как все происходило, описывает свои движения и действия других. Они пытаются понять, кто виноват. «Человек ранен, все бросили антилопу и побежали к нему, а он сидит, ему больно, они плачут, окружили его <...>».

Один из них обращается к тому, кто стрелял: «Я думаю о нашем брате. Мое сердце плачет по нашему брату <...> ты не подумал о детях нашего брата, ты стрелял в его антилопу, когда он не мог ничего видеть из-за пыли, ты не подождал, а ты бы мог стрелять в антилопу с его стороны, вот отсюда <...> Я видел, как он сюда подходил, я видел как он к тебе подходил, я видел как вы шли навстречу друг другу, вы оба стреляли и шли навстречу друг другу. А тут антилопа промчалась между вами <...>».

Тот, кто стрелял, отвечает: «Я не видел нашего брата. Я не видел, как наш брат подходил, потому что была пыль, я плохо видел из-за пыли, которую подняли антилопы, ведь их было так много, этих антилоп <...>».

Раненый говорит: «Я и сам плохо видел из-за пыли, это была огромная пыль, потому что много было антилоп. Я ранен потому, что смотрел только на антилопу, я не смотрел в его сторону, а я бы мог уклониться от стрелы, должен был уклониться, должен был не дать нашему брату подстрелить себя <...> Я не увидел стрелу, а мог увернуться <...> Пыль забила мне глаза, пыль закрыла мои глаза <...> Так что пусть наш брат не боится <...> Не надо нам говорить с ним так сердито, его стрела сама меня ударила, наш брат меня не видел <...> он правду говорит, он не стрелял в меня, мы не видели друг друга <...> Поднимайте меня и несите домой <...> А то вся моя кровь вытечет <...> Я плохо вижу, хотя еще так рано <...> Такие большие тени <...> Тени от деревьев <...>».

Три человека несут раненого, другие бегут вперед, чтобы предупредить его близких на стоянке: «<...> Мы будем осторожно, ласково говорить с женщинами, мы будем так говорить, чтобы их сердца могли это выдержать <...> Они бегут в решимости, они бегут быстро

<...> А те другие несут его, несут к его дому, к хижине, заносят в хижину <...> Его жена видит у его, его жена плачет. Его дети плачут. Все люди там плачут. Женщины кричат: “Вы там, наверное, дрались! Вы там стреляли в своих!” — “Нет, мы не дрались. Это неверный выстрел, неверный выстрел!” <...> А человек умирает в хижине <...>».

После взрыва отчаяния люди опять начинают по очереди вопрошать: чья же вина? Раненый снова и снова просит не винить того, кто стрелял. И вот в какой-то момент мать раненого объявляет, что виновата его жена. А рассказчик поясняет: у касм есть примета, что если в то время, как их отец на охоте, дети играют не в хижине, а на воздухе, то он стреляет точно, его рука верна, но если они играют в хижине, да еще и прыгают на его постели, то случается несчастье. Мать раненого напоминает об этой примете, и все присутствующие соглашаются, что жена раненого не уследила за детьми, не прогнала их с его постели. Они там играли, потому все и случилось. И сам раненый, и его жена согласны с этим.

Мать раненого говорит: «Рана от неверного выстрела <...> Это из-за детей, которые играли в хижине. Потому что мальчишки не должны играть в хижине. Мой сын ранен неверным выстрелом, шальной стрелой, потому что его дети не понимают, как себя надо вести. Жена моего сына не слушала того, что я ей говорила; она должна была прогнать детей из хижины <...>».

Раненый вторит: «<...> Я ей говорил, а она все равно, она так глупо со мной поступает. Она не ведет себя так, как говорили ей ее отец и ее мать. Потому что она так и осталась глупой <...>».

Его жена кричит с плачем: «У него такое красивое лицо, ведь он еще молодой мужчина, он умирает из-за меня, а наши дети еще маленькие <...>».

Один из окружающих мужчин начинает громко порицать собственную жену: «Моя жена тоже делает глупости. Но я хочу, чтобы она видела, каково это — рана от неверного выстрела <...> Меня тоже могли бы ранить из-за того, что она не говорит моим мальчишкам, чтобы они шли вон из хижины. Потому что когда я возвращаюсь с охоты, то вижу пыль на своей постели. Моя хижина выглядит

так, будто она куда-то уходила <...>. Она нехорошая <...>».

Но потом люди забывают все это и говорят только о смерти, которая приближается.

Раненый говорит: «Я истекаю кровью <...> поэтому мое сердце падает <...> [рассказчик поясняет, что, когда человек умирает, сердце оказывается в горле, а из горла падает вниз, в середину тела, и там остается]. <...> Я думаю, я умру этой ночью <...> потому что мое сердце упадет. Люди будут плакать здесь этой ночью <...> потому что мое сердце упадет <...> мое сердце чувствует, что я должен умереть <...> Ты должна знать <...> Я тебе говорю [он обращается к жене], после этого я уже не буду говорить, сейчас мне время говорить! А ты должна слушать <...> если я буду снова говорить, ты должна сидеть возле меня и следить за мной <...> Ты должна развести огонь. Ты должна сидеть, ты должна смотреть <...> потому что час смерти пришел, и я тебя больше не увижу <...> Я говорю тебе о детях, ты не должна оставлять ни одного из наших детей <...> ты должна быть хорошей матерью им <...> ты не должна отдавать детей посторонним людям, тем, которые от нас отличаются, которые другие, все дети должны быть с тобой <...> Я уже не буду больше возвращаться с охоты живым. Я, кто давал им еду <...> Я умираю, покидая их <...> Я, кто приносил им мясо [очень музыкальная интонация здесь (паметка на полях)] <...>».

Его жена говорит: «<...> мое сердце трепещет, ведь он сказал мне, что смерть его близка, и мое сердце содрогнулось, ведь я все еще люблю его <...> Я не буду есть <...> Я не буду есть и умру <...>».

Потом говорит его теща, ее сын говорит, ее дочь говорит, ее сестра говорит, сестры ее мужа говорят, другие люди говорят.

Он умирает. Его кладут в могилу и засыпают землей. И снова горестно говорят все по очереди — вдова, несчастный стрелок, родственники, которые обещают заботиться о детях. Говорят, говорят, говорят. История не имеет конца. Рассказчик просто выбился из сил, и рассказ его угас, как догоревшая свеча.

Но есть там слова, которые можно считать последними, они о том, что лежит на земле антилопа, убитая на охоте.

Литература

Макконнел 1981 — Макконнел У. Мифы мункан. М., 1981.
Записи 1870–1881 — *Bleek W. H. I., Lloyd L. C.* Notebooks. 1870–1881 // The Bleek and Lloyd Collection at the University of Cape Town.

McConnel 1957 — *McConnel U.* Myths of the Munkan. Melbourne, 1957.

Hewitt 1986 — *Hewitt R. L.* Structure, meaning and ritual in the narratives of the Southern San (Quellen zur Khoisan-Forschung. Band 2). Hamburg, 1986.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, профессор и заместитель директора Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а; тел.: +7 (495) 954-76-36; e-mail: artemova.olga@list.ru

FOLK TRADITIONS AND LIFE: A FEW SKETCHES

OL'GA ARTEMOVA

(Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences: 32a, Leninskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation)

Summary. *The paper represents the fragment of author's long-term investigation aimed at understanding the commonalities and diversity in the value systems of hunter/gatherer people as expressed in their folklore. The particular focus of the paper is the conceptualization and reflection of emotional life and morality encoded in the folklore of the Wik-speaking groups of the Australian Aborigines (Cape York Peninsula) and the !Xam busmen of South Africa. The paper focuses on folklore texts of the !Xam people, recorded and translated from !Xam into English by W. H. I. Bleek and L. C. Lloyd (1870–84), the original of which is owned by J. W. Jagger Library, University of Cape Town. These materials constitute the largest collection of San narratives ever recorded — approximately 9000 pages in quarto. The Wik texts, studied in the paper, were published by U. McConnel in 1927–1940 and in 1957. They are not so numerous and extensive, but still represent unique and very valuable collection. The author is especially interested in the ways the creators of the folklore texts perceived, thought through and represented verbally human relations, behavioral norms and traditional ethics. Such analysis should lead to greater understanding of hunter-gatherer cultures, including contemporary representatives.*

Key words: *myths, tales, folklore and reality, hunters and gatherers, the Australian Aborigines, the bushmen of South Africa.*

Acknowledgements: *This research is supported by the grant of the Russian State Fund for Humanities No. 15-01-00450.*

References

Bleek W. H. I., Lloyd L. C. Notebooks. 1870–1881. The Bleek and Lloyd Collection at the University of Cape Town. In English.

Hewitt R. L. (1986) Structure, meaning and ritual in the narratives of the Southern San (Quellen

zur Khoisan-Forschung. Band 2). Hamburg. In English.

McConnel U. (1957) Myths of the Munkan. Melbourne. In English.

McConnel U. (1981) Mify munkan [Myths of the Munkan]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: artemova.olga@list.ru

Tel.: +7 (495) 954-76-36

32a, Leninskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation

Full Professor (History), professor, research fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Deputy Director of the Center of Social Anthropology, Russian State University for Humanities
